

Татьяна
Веденская

Татьяна
Веденская

ИДЕАЛИСТ, ИЛИ МЕЧТАТЬ О ТАКОЙ, КАК ТЫ

—
роман

Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В26

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Идеалист, или Мечтать о такой, как ты : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-78874-3

Ну вот, у тебя есть любимый. Твой единственный, идеальный мужчина, о котором ты не смела и мечтать. Он целует тебя, с нежностью смотрит в глаза — и это не сон. Тогда почему вы все реже созваниваетесь? Почему не праздновали вместе Новый год? Почему он до сих пор не познакомил тебя со своими друзьями и родственниками? Стесняется? Не уверен, что сделал правильный выбор? А тебя использует как временный вариант, пока не нашел кого получше? Сколько же вопросов с этими мужчинами! Нет с тобой никого — ты мучаешься, страдаешь, думаешь, что никому не нужна. А если мужчина есть — тоже изводишь себя. Ведь неизвестно, любит ли он тебя так же сильно, как ты его.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-78874-3

© Саенко Т., 2015
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2015

Часть первая

НЕПЛОХО УСТРОИЛСЯ!

ГЛАВА 1

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ

Этот день обещал быть счастливым и искрящимся, как конфетти, но все пошло почему-то не так... Самое обидное, что все пошло не так в тот самый момент, когда я уже практически села в машину, разодетая как на парад. На мне было мое любимое красное пальто, которое так идет к моим светлым голубым глазам, и черные сапоги на шпильке, правда, не на меху, а холодные, зато красивые. Багажник был забит пакетами с продуктами — их должна была привезти я, а на ручке задней дверцы висело праздничное черное платье. То самое маленькое черное платье, которое просто обязано быть в гардеробе каждой женщины. Десять утра, а я уже часа три как была на ногах. Конечно, краситься в такую рань не имело смысла, но я накрасилась — все-таки это первый наш совместный со Стасом праздник. Почти семейный. Новый год! Его я собиралась встречать в обществе своего... м-м-м... как же это сказать? Любовника? Нет, не совсем так. Молодого человека? Бойфренда? Какой же это бойфренд, если ему сорок один год. Мужа? Вот уж точно нет. Мы встречались уже несколько месяцев, и все это время Ста-

нислав старательно давал мне понять, что любовь — это не повод для взаимных обещаний или каких-то там обязательств, а я старательно делала вид, что с ним согласна.

— Черт, что ж такое?! — возмутилась я, заметив краем глаза, что чехол от платья все-таки свешивался наружу и цеплял землю. Я снова вылезла из машины, оставив ее греться с заведенным движком, и освободила платье. И вот, в тот момент, когда я захлопнула дверцу и снова села за руль, из-под пассажирского сиденья раздался голос Масяни.

«Возьми трубку, — тихонько начала она. Это были происки Ники, моей семнадцатилетней продвинутой дочери. Ей показалось скучным, что мой телефон поет голосом Энрике Иглесиаса, и она, безо всякого согласия с моей стороны, поменяла Иглесиаса на Масяню, набравшую обороты. — Возьми трубку! Возьми трубку, зараза, я тебе говорю! Че, не слышишь? Совсем оглохла?»

— Да заткнись ты, дура! — возмутилась я, ползая по полу. — Да где ж он?

«Бери эту чертову трубку!» — заорала Масяня не своим голосом.

— Ну, Ника, убью, — пригрозила я, выковыривая телефон из-под сиденья. Оказывается, я вчера выронила его в машине и, представьте себе, за весь вечер не обнаружила пропажи. Только слегка удивилась, что Стас так и не позвонил. Но, с другой стороны, если мы договорились встретиться прямо с утра... Зачем звонить?

— Алло? — не глядя на экран, спросила я. Телефон был таким ледяным, что я сморщилась и отодвинула его от уха.

— Надя? — зачем-то уточнил Станислав.

Я улыбнулась.

— А что, у тебя есть какие-то еще варианты?

Он помолчал, как всегда, когда я пыталась с ним шутить. Интересно, все серьезные, умные мужчины совершенно не понимают юмора или только мой такой?

— Я подумал, ты потеряла телефон, — как ни в чем не бывало ответил Стас. — Ты не отвечаешь по нему уже десять часов.

— Я забыла его в машине.

— И он до сих пор работает? Он же должен был весь промерзнуть и вырубиться! — с недоверием уточнил Стас. Все-таки образование — это вещь. Вот ведь какие вопросы задает.

— Пока держится, но может и вырубиться, — согласилась я, мельком посмотрев на экранчик. Зарядки оставался один жалкий столбик.

— Тогда слушай внимательно. Ко мне не приезжай. У меня тут родственники собираются нагрянуть, так что все отменяется. Ты меня слышишь?

— Да, — еле сумела выдавить я.

— Хорошо. Я тебе перезвоню потом.

— Так, а они надолго? Может, я завтра приеду? — выпалила я, прежде чем успела сообразить, что навязы-

ваюсь. Стасу это не нравилось. Ему вообще многое не нравилось из того, что я делала.

— У мамы дома ремонт. Не успели закончить, как обещали. Так что две недели...

— Что? Алло! Алло! — переспросила я, но ответом мне была тишина. В полном соответствии с законами физики мой телефон все-таки «умер». Хороша бы я была, если б Стас так мне и не дозвонился. Приехала бы, и что? Развернулась и уехала обратно. Впрочем, это было бы ненамного хуже, чем то, что случилось сейчас. Я сидела во дворе своего дома, в красном пальто и с покрасневшими ушами, ведь шапку я не надела, боясь память прическу, и совершенно не могла понять, что делать дальше. Десять утра тридцать первого декабря, и полная растерянность с моей стороны. Все планы сгорели, а других у меня просто не было. Более того, поскольку мы запланировали встречать Новый год у Стаса, свою квартиру я отдала в полное и безраздельное пользование дочери, причем вплоть до самого вечера первого января. Это как минимум.

— Мам, если вдруг надумаешь вернуться раньше, обязательно позвони, а то мало ли... — предусмотрительно предупредила Ника.

У нас с нею прекрасные отношения, она в некотором смысле даже шефствует надо мной — деточка моя, — взрослая не по своим семнадцати годам. И что я ей теперь скажу? Подвиньтесь, я тоже буду петь под гитару

песни «Короля и Шута»? Я закрыла машину, забрала из нее маленькое черное платье (а ведь Стас его еще не видел!) и пошла обратно. Домой.

— Мам, это ты? — слышался из кухни голос Ники. — Что-то забыла?

— Примерно, — тихо пробормотала я и села на пуфик в прихожей.

У меня даже не было сил раздеться и снять свои ледяные сапоги на шпильке. Черт, все это задело меня сильнее, чем я думала. Просто пропустить встречу со Станиславом Шуваловым — это бы я еще как-то перенесла. Нормально перенесла бы, но я вообще осталась без праздника. С кем теперь встречать Новый год?

— Чего забыла-то? — Ника выскочила в коридор.

Она сильно вытянулась за последний год, на голову выше меня, что, впрочем, неудивительно. Я-то сама — тощая мелюзга с жалобным взглядом, а Ника у меня совсем взрослая девушка. Чего стоит современному подростку меня перерасти.

— Ты знаешь, кажется, меня саму забыли, — грустно улыбнулась я.

— В смысле?

— К Стасу приехали какие-то родственники. Кажется, с мамой.

— С его мамой? — не поняла Ника. На ней был мой передник, руки в муке. Интересно, это нормально, что моя дочь умеет печь пироги, а я нет?

— Не знаю. Уж точно, не с моей, — ухмыльнулась я.

Моя мама, Никина бабушка, была дамой зубодробительной. Один Новый год под одной елочкой с нею был равносителен неделе каторжных работ.

— И что теперь? — вдруг дошло до Ники. Она с подозрением посмотрела на меня. — Остаешься дома?

— А ты как думаешь? — разозлилась я. В конце концов, я не виновата. Пусть смотрит этим возмущенным взглядом на Шувалова.

— Ладно, — примирительно хлопнула в ладоши Ника и улыбнулась. — Только не жалуйся потом. Будет громко, и в твоей комнате будет танцевальная площадка. Так что спать сможешь только завтра. А в остальном... оставайся.

— И на том спасибо, — уныло кивнула я.

А что мне еще делать? Упаду на собственный диван, прямо так, прямо в красном пальто.

...Я попыталась расплакаться, но слезы не шли. Мне не было, в общем-то, грустно или обидно. Ощущалась лишь какая-то общая дезориентация и непонимание, куда плыть дальше. Если бы Стас предупредил хотя бы за пару дней, хотя бы вчера... если бы я не забыла телефон в машине!..

— Мам, пальто-то сними. Жалко, — засунула нос в мою комнату Ника.

— Не хочу, — загапризничала я.

Дочь пожала плечами и поставила рядом со мной

чашку. Я дождалась, пока она выйдет из комнаты, и посмотрела, что в ней. Мой любимый зеленый чай с жасмином и медом! «Ну и черт с ним, с Шуваловым, — подумала я, делая глоток чаю. — В конце концов, это всего лишь один долбаный день. Что он меняет? Мы встретимся завтра. Хотя нет, он что-то сказал про две недели. Или он не то имел в виду? А что? Надо бы ему перезвонить, но где же...» Тут я поняла, что опять забыла телефон в машине.

— Дура-дура! — выругалась я и пошла за ним.

После некоторых манипуляций по оживлению мобильного и приведению его в чувство я набрала Стаса.

— Абонент временно недоступен, — ехидствовал автоответчик.

Вот вам и с Новым годом. Зато на моем голосовом ящике была куча сообщений.

— Надюшка, как ты? С наступающим! У нас парни будут устраивать оргию в офисе пятого января, ты приглашена. Отказов не принимаем! — Это пьяное сообщение от Иришки, одной моей хорошей подружки по работе. Я отстучала СМС, что на оргии буду обязательно и даже принесу с собой тортик.

— Купи туалетной бумаги и еще что-нибудь попить. Лучше тархун! — это от Ники.

Я усмехнулась. Сообщение нашло своего героя, когда автор уже все купил сам. Не имея веры в меня, Ника сама вчера ходила в магазин, что рядом с нашим домом. Я туда не хожу по причинам личного характера. Подробно-

сти рассказывать долго, а если вкратце: там на кассе работает одна белобрысая кассирша с сильно намалеванными глазами, мы с ней когда-то подрались из-за мужика (моего бывшего мужа).

Так, следующее сообщение:

— Надежда, что у тебя с телефоном? У меня нет шампанского, привези немедленно. И скажи своему Станиславу, что Новый год — семейный праздник, его следует справлять с родителями. Это нехорошо — оставлять мать одну. — Это от мамы.

Черт, она подумает, что я ее проигнорировала. Это страшно. Очень страшно. Надо перезвонить.

Так, что там еще? Хотя после маминого послания меня уже ничто не интересовало. Что ж, если на то пошло, я могу поехать к ней, и отпразднуем вместе. Мама расскажет мне, какая я плохая дочь, а я, когда выберусь от нее, пойму, что моя жизнь не так уж плоха.

— Надька, твою мать! Куда пропала? Весь вечер звоню, а ты не берешь трубу. Все любовь, да? Мы с Маринкой поздравляем тебя с наступающим. Пусть год будет здоровым, страстным, сытым-пьяным. Увидимся на даче! — Это было от Розочки, моей стародавней дачной подружки.

Дачу я любила сильно. Ей, даче, было двадцать пять лет. Папочка, светлая ему память, получил этот участок, когда мне было десять лет, и сам выстроил там наш маленький срубчик с теплой каменкой. Там, на краю участка, стояла пушистая зеленая елочка, посаженная его ру-

ками. Когда-то она была малюсенькой, а теперь вымахала выше дома. Уже даже и не нарядишь, такие лапищи. А еще мы с папой там вместе собирали грибы в нашем лесу. Дача — это хорошо.

Я набрала Розин номер. Мама со своими нотациями может и еще пару минут подождать.

— Розалинда! С наступающим, старая ты карга! — поздравила ее я.

— От такой слышу, Кощеева дочь. Все цветешь, как всегда?

— А как же! Как вы там поживаете? Как Маринка? Как внучка? — Маринка была Розочкина дочь, в детстве она любила играть с Никой, хоть и была ее на четыре года старше. В прошлом году она родила девочку, а сейчас, к моему крайнему удивлению, она училась в какой-то странной гуманитарной академии туризма. Что ж, это хорошо, что сейчас так много вузов, у меня у самой в этом году дочь заканчивает школу. Надо будет куда-то поступать. Розочка души не чаяла во внучке, а вот мужа своей дочери на дух не выносила.

— Если бы не этот подлец, Маринка вышла бы замуж за олигарха, — хохотнула Роза.

— А где вы его взяли бы? — усомнилась я.

— Нашли бы! У тебя нет? — ухмыльнулась Роза.

— Такого не держим-с. От нас и НЕолигархи уходят! — развела я руками.

Когда-то, давным-давно, когда Нике было годика три,

меня оставил светлой памяти Леонид, Никин отец, так и не ставший моим законным мужем. Ушел вдаль со словами: «Ты — баба хоть куда, но твоя мама в могилу сведет любого». В то лето я бы сильно страдала, наверное, но именно тогда же от Розочки ушел муж, вполне официальный и оставивший ее одну с семилетней Маринкой. Все лето мы поливали мужиков грязью на все лады и с тех пор по-прежнему любим поболтать на эту тему.

— Как там твой Стас?

— Ничего. Нормально, — немного охолонула я. Тема была неправильной.

— Вы с ним будете Новый год праздновать? Мы с Маришкой решили завалиться на дачу, пусть малышка воздухом подышит, глотнет кислороду. А то тут, в Москве, перешли практически на азот. Ну, и там компания будет, настойку мою клюквенную из подвала достанем. А вы как?

— Мы прекрасно. Он у себя дома, а я — у себя, — призналась я. — К нему родственники приехали. Пришлось все отменить.

— То есть? — не поняла с первого раза Роза.

— Ну... к нему мама приехала, родственники...

— Вот бы и познакомились!

— Да не хочу я. — Я замотала головой.

— Так это ты не хочешь, — выдохнула Розочка. — Тогда ладно. А то я уж было подумала, что он тебя стесняется.

— Ну... что ты. Просто... да. Это он так решил.

— Ну мать, ты даешь! Может, ему дверь поджечь, чтобы знал? — предложила подруга.

— Не надо, — отказалась я. Мы замолчали. Я молчала подавленно, а Розочка сконфуженно.

— Слушай, а ну их всех к черту! Давай-ка, мать, к нам. Садись в свою одноглазую тачку и дуй на дачу. Мы твою елку нарядим... нижние ветки. И вообще, у тебя дом теплее. А? Как?

— Идет! — недоверчиво кивнула я. — Ты это серьезно?!

— А то! Мариш, что ты скажешь, чтобы накрыть поляну у Надьки? — куда-то в сторону спросила Роза. — Маринка одобряет. Маську спать уложим и будем у тебя гудеть.

— Как это? А если она заплачет? — испугалась я.

— Темнота! — хмыкнула Роза. — А портативная няня на что? Услышим. Но вообще-то она у нас спит отлично. Так что скажешь?

— Даже не знаю, — засомневалась я. Честно говоря, не то у меня было состояние, чтобы, как выразилась Розочка, гудеть. — А вы уже там?

— Ага.

— Вы можете и без меня там все развалить и привести в негодность. Слушай, у меня там ключи под крыльцом. Ты знаешь где? Помнишь? Вот берите и празднуйте.

— Ага, а ты, значит, будешь в новогоднюю ночь в подушку рыдать, положив на нее фотографию своего чер-